

“ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ” В ЖАНРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОМАНА

М.В. СИДОРОВА

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 Москва, Россия

В статье рассматривается жанровое многообразие романа, раскрывается специфика романа, которая в немалой степени связана с сочетанием трагического с комическим.

Роман В.П. Астафьева "Печальный детектив" был опубликован в журнале "Октябрь" (1986, № 1) и вызвал острую полемику в критике [1, с. 87-101], поскольку в произведениях Астафьева второй половины 80-90-х годов внимание к "негативу" достигает своей высшей точки.

Замысел романа восходит еще к 60-м годам. Так, во время подготовки к печати "Кражи" и активной работы Астафьева над повестью "Пастух и пастушка" А. Макаров, критик, а затем и близкий друг писателя, советует ему: "Хотите Вы или не хотите, но путь Ваш пролегает в направлении современного сегодняшнего романа" [2, т. 8, с. 217].

В 1982 году В. Астафьев писал Я. Курбатову о черновике "новой повести" [3, с. 138], - по всей видимости, "Печальном детективе". В одном из писем того же года В.Я. Курбатов пишет Астафьеву как об уже свершившемся: "Все пойдет у меня из головы Ваш "Печальный детектив" [3, с. 138]. Работа Астафьева над "Печальным детективом" отодвинула даже его интерес к военному роману. С некоторой долей тревоги В.Я. Курбатов в это время спрашивает: "Роман о войне опять откладывается. Так ли?" [3, с. 138].

О замысле "Печального детектива" можно судить по одному интервью В. Астафьева 1986 года: "Мой маленький роман "Печальный детектив" родился из замысла рассказа. Я долго прицеливался, что поставить, какое слово - "рассказ" или "роман", потом понял: пока не поставлю "роман", не очень-то и получится. А вот когда (...) поставил это слово, тогда и организация романная пошла, и появились главы, (...) и сам материал уже перестал бояться включения побочных веток" [4, с. 4]. Это признание подчеркивает роль рассказа в творческой эволюции замыслов писателя.

Истоки сатирической тенденциозности астафьевского романа середины 80-х годов просматриваются уже в остро критических деталях его первого романа "Тают снега". В значительной мере обличительность усиливается у В. Астафьева в повестях "Кража", "Пастух и пастушка", в ряде глав "Последнего поклона", в "Царь-рыбе". В последних двух произведениях весомо заявляют о себе уже не только сатирические образы, но и целые жанровые структуры, заключающие в себе элементы антиутопии - жанра, тяготеющего к сатире.

Накал социальной критики, проявившийся в романе "Печальный детектив", был вызван эволюцией мировосприятия писателя. "Русский характер", запечатленный "в процессе деформаций", и "деформация русского сознания",

"грозящая катастрофой, делающая весьма туманной национальную перспективу XXI века" [5, с. 136-145] открылись и А. Солженицыну, и В. Шукшину, и Ф. Абрамову, В. Белову, В. Распутину, В. Крупину, другим "деревенщикам" уже в 70-80-е годы.

Как отметил П.А. Гончаров, жанр романа "Печальный детектив" достаточно точно (как и в случае с "современной пасторалью" "Пастух и пастушка", с "повествованием в рассказах" "Царь-рыба", с "Одой русскому огороду") обозначен самим писателем, хотя точность эта, как и в упомянутых произведениях, весьма условная. "Печальным" детектив, по законам этого жанра, быть не может, ибо его главная цель - развлечение и мистификация читателя" [6, с. 231]. Печаль не отражает и настроения традиционного героя детектива - отважного и хитроумного сыщика. Значительную часть событийной основы романа составляют детективные истории, главный герой - "мент удалой", схватки, задержания, расследования. Для "деревенщика", автора повестей о природе, детстве и войне, жанр казался новым.

"С реалиями русской "тюрьмы и ссылки" будущий писатель, рожденный в Сибири - месте заключения многих поколений каторжан, - знакомился вначале не по книгам" [6, с. 232]. У В.Астафьева был личный опыт соприкосновения с тюрьмой и ссылкой. Астафьев не порывал отношений с не однажды судимым отцом - Петром Павловичем Астафьевым. Немалое время будущий писатель жил в Игарке, основное население которой составляли ссыльные. След в его биографии оставил и игарский детдом с его молодыми "урками", и игарская школа со ссыльными педагогами. После войны эти впечатления дополнились жизнью в городе Чусовом, в Перми. Урал - еще одно место многочисленных в то время лагерей для заключенных. Поездки на родину в 50-70-е годы, встречи со ссыльными и браконьерами, посещение "вытрезвителей, милиций, лагерей" [2, т. 9, с. 440] в период подготовки материала для романа "умножали" и углубляли знание писателя о "персонажах" его странного "детектива".

Ко времени выхода романа у Астафьева был значительный опыт работы с "детективными" сюжетами и героями. Ко второй половине 50-х годов относится первый вариант его рассказа "Восьмой побег" ("Бурелом"), где детективный мотив вынесен в название произведения. "Тулкухинская исправительно-трудовая колония" за плечами и у одного из главных героев романа "Тают снега" Василия (Роберто) Лихачева.

Детективные мотивы проявляются в "Стародубе" ("каторжанец" Фаефан). В рассказе "Сашка Лебедев" главный герой, сын репрессированных родителей, "мантулил в трудовой колонии" за "украденную пайку". Характерно, что здесь впервые военная тема соединяется с "детективными" мотивами, это будет развито в прозе 90-х годов. Сашка Лебедев вместе с другими штрафниками "искупает вину" на фронте. "Кража" и названием, и фабулой, и рядом образов-персонажей непосредственно сближена с "детективным" жанром, хотя это сближение имеет подчас пародийный характер. В "Царь-рыбе" "детективные" мотивы нарастают. В центре повествования - браконьеры, находящиеся в столкновении и с природой, и с законом. Главы "Бойе", "Поминки", "Сон о белых горах", "Не хватает сердца" содержат в себе и значительные эпизоды "детективного" характера. Не обошлось без "детективных" вкраплений и в "Последнем поклоне" - первая глава "Далекая и близкая сказка" повествует о

ссылном Васе-поляке, родившемся под тулупом конвойного. Вошедшие во вторую и третью книги главы "Где-то гремит война", "Бурундук на кресте", "Без приюта", "Пир после победы", "Забубенная головушка" развивают темы тюрьмы, ссылки, преступления, расплаты.

Однако нигде у В. Астафьева "детективная" тема не составляет основу литературного произведения. Повествовательная модель астафьевских "детективов" нарочито избегает характерной для детектива занимательности. Можно предположить, что такое использование "детективного" материала составляет особую позицию писателя. Преступление, наказание и все связанные с этим "детективные" элементы у писателя не являются "фабулой" - предметом "эстетизации", развлечения и мистификации читателя. Как правило, все это - эпизоды страшной судьбы героя, часть большой картины страданий народа. В этом Астафьев оказывается близок и мастеру детективной фабулы Ф. Достоевскому, и А. Солженицыну, для которого "детективный" мотив "Круга первого" - лишь повод для рассказа о маховике послевоенных репрессий, и Ч. Айтматову, у которого подробности наркоторговли - лишь повод для рассказа о всеобщем падении нравов в романе "Плаха".

В подходе к "детективному" материалу значительны черты сходства между В. Астафьевым и В. Шаламовым - помимо северных реалий их объединяет мысль о том, что лагерный опыт далеко не всегда прибавляет "сердца" заключенным. "Лагерь - отрицательная школа жизни целиком и полностью" [7, с. 500], - утверждает В. Шаламов.

Несмотря на то, что в центре композиции романа "Печальный детектив" находится оперативник Леонид Сошнин, сюжет его в полной мере "детективным" не является. Романное действие составляют в большей степени не преступления и их раскрытие, а жизнь и быт начинающего писателя, его отношения с Леркой (в полном имени "Элеонора" живут, вероятно, отзвуки первоначального варианта романа о любви "Печального детектива и одинокой монашки"), с бывшими сослуживцами.

"Мысль семейная" - одна из главных в романе. Трудно возразить против астафьевской мысли о деградации современной семьи. Это ведь и о "романе" Адама Зудина и Зойки-буфетчицы, и о жизни Лерки с Сошниным заявлено в произведении однозначно - "печальный детектив". "Семейная жизнь, похожая на детектив, детектив и служебные приключения как часть семейной жизни - таков реализованный композиционный замысел романа" [6, с. 235], по мысли П.А. Гончарова. После схватки с "химиками" Сошнин знакомится с будущей женой. В гостях у тещи Евстолии Тихоновны узнает он о распоясавшемся Веньке Фомине. Благодаря этому преступлению, изображенные в романе, лишаются романтической и мистической окраски. Первым из пойманных Сошниным преступников был матерый грабитель по кличке Демон. Кличка явно ассоциируется со склонностью молодого "опера" к романтике. Но сцена его задержания выдержана уже в пародийном ключе:

" - Инженер Зверев. - И фамилия-то, фамилия вмиг, кстати, подходящая, явилась. - Все места в гостинице заняты. Физкультура и спорт. Всегда готов. Извините. Подселили.... - И, как только в протянутой руке ощутил руку Демона, зажал ее, вывернул, и ... бандит и ахнуть не успел, как на него мильтон насел!" [2, т. 9, с. 58]. В последующих комментариях к этому эпизоду службы героя

звучит и еще более хлесткое слово, имеющее отношение уже к инвективе, - "глупость". "Печальный детектив" тяготеет во многом к жанру пародии, которая заключает в себе значительное социально-этическое содержание. Образец такой пародии в свое время дал Ф.М. Достоевский в романе "Братья Карамазовы", пародирующем, по мнению В. Ветловской, и русскую сказку об отце и трех сыновьях, и романы о новых людях" [8, т. 10, с. 608].

Эта этическая и социальная значимость укоренена в романе не только благодаря его трагедийному содержанию, но и благодаря особенной композиции. Главный герой астафьевского романа - писатель. Поэтому многочисленные ассоциации, реминисценции, цитаты не выглядят здесь инородным материалом. Разнообразные открытые и скрытые упоминания Есенина, Маяковского, Достоевского, Гоголя, Шекспира, Ницше и других далеко не всегда заключены в пародийный контекст. А фраза из анонимно цитируемых писем Гийерага составляет своеобразный "девиз" "Дон Кихота из Вейска": "Но как можете вы быть счастливы, если у вас благородное сердце?" [2, т. 9, с. 71].

Специфика романа в немалой степени связана с сочетанием трагического с комическим. Астафьевский смех граничит с печалью (Паша Силакова, Маркел Тихонович), его сатира оказывается близкой к трагедии (Урна), его "веселье" заключает в себе мистический элемент ("ожившие" в романе гоголевские Добчинский и Бобчинский вместе со столичным "сиятельством", "огромная пузатая крыса с гусарскими усами") [2, т. 9, с. 81], привидевшаяся Сошнину, как дурное предзнаменование. Ю.М. Лотман отмечал: "(...) у гоголевского смеха есть еще одна сторона - он неотделим от ужаса, он связан с миром дьявольской мороки. Смена масок, театральность, проникающая в жизнь, - смешна и ужасна одновременно" [9, с. 684].

Гоголевской "прорехой на человечестве" выглядит в романе Урна - женщина, потерявшая не только женские, но и человеческие черты. Основа ее поведения - "наглый и мстительный ко всем вызов" [2, т. 9, с. 14]. Образ приобретает определенную завершенность, когда увязывается с "блатной" песней из ее репертуара.

В романе Астафьев пародирует устоявшиеся штампы общественного сознания. Так, тетя Граня в романе называется "родней всех угнетенных и осиротевших возле железной дороги народов, нуждающихся в догляде, участии и трудоустройстве" [2, т. 9, с. 22]. "Угнетенные народы" (клише из советской прессы) сталкиваются здесь с просторечной "родней", таким образом, возникает бурлескный эффект. Острие сатиры оказывается направленным в наименьшей степени на "тетю Граню", а в наибольшей - на советскую прессу, сочувствующую часто, по мнению писателя, более далеким "угнетенным народам", но не своему народу.

В "Печальном детективе" в качестве постоянного мотива сохраняется интерес к семейной жизни. Источником этого мотива остается "деревенская проза с ее традиционным отношением к семейному "ладу" как основе человеческого существования. Этот мотив в прозе В. Астафьева часто оказывается сюжетобразующим ("Тают снега", "Перевал", "Последний поклон", "Печальный детектив", "Так хочется жить", "Веселый солдат"). Но если в прозе 50-70-х годов для писателя семья, даже в самых причудливых формах ("Уха на

Боганиде" в "Царь-рыбе"), - безусловная и положительная основа жизни, то в прозе 80-90-х изображение современной семьи окрашено комическим.

Отношения Адама Зудина и его жены в романе "Печальный детектив" преподносятся читателю как пародированный ветхозаветный сюжет о грехопадении Адама. Причем объектом осмеяния оказывается не пародируемый источник, а современные нравы: "Так вот Адам женился и сам себе удивился. Жили Адам с Евой весело и даже бурно. Гонялся, и не раз, Адам за Евой с ломом и путевым молотком, подняв струмент над головой (...). Любила Ева народ, и народ ее тоже любил" [2, т. 9, с. 110]. За этой, явно комической сценой, видна авторская печаль о незадавшейся семейной жизни, а потому название романа, благодаря этому и подобным эпизодам, приобретает помимо оксюморонного еще и грустно-ироническое звучание.

Предметом отрицания В. Астафьева оказывается не сама идея семьи, а современное ее состояние. Сопоставление "новой" семьи с семьей традиционной ведет к рождению астафьевской иронии, к усилению тенденции отрицания. Одновременно с активизацией этой тенденции в творчестве писателя актуализируются приемы комического. Продолжая шукшинские традиции в "Печальном детективе", В. Астафьев главным предметом осмеяния делает привычные, известные по поздней шукшинской прозе российские пороки: пьянство, лицемерие, равнодушие к злу, отсутствие культуры, высокомерие новоявленных "аристократов" по отношению к сельскому жителю, забвение женщиной своего предназначения и т.п. Пороки русского человека Астафьев считает устойчивыми во времени: "национальный русский характер в худших и лучших своих проявлениях, особенно в худших, - мало переменчив" [2, т. 12, с. 376].

Ни Леонид Сошнин, ни его жена Лерка не являются комическими персонажами, но в них заложена значительная доля авторской иронии. В Сошнине пародируются черты хитроумного детектива. Являясь человеком открытым и простодушным, он рискует жизнью в схватке с Демоном, едва не теряет жизнь и лишается здоровья в столкновении с опустившимся Венькой Фоминым. Вместо борьбы с "романтическими" злодеями вынужден "воевать" со "шпаной" в подъезде собственного дома. Его отношения с Леркой тоже во многом перевернуты. Он ограждает ее от поползновений "химиков", но именно Лерка в буквальном смысле отдает для спасения Сошнина собственную кровь. Благородный и "печальный" "удалой мент" и в отношениях со своей "прекрасной Дульсиной" уподоблен в романе "рыцарю печального образа", чье присутствие в произведении ощутимо на многих уровнях - от названия до мотива постоянного невезения.

Новая жанровая форма, найденная Астафьевым, помогла ему уйти от сложившихся рамок "деревенской прозы". Новизна произведения поначалу смущала и самого автора, и критиков. В письме 1985 года к В.Я. Курбатову Астафьев делится с критиком своими сомнениями по поводу "Печального детектива": "Вещь странная, самому мне непонятная, зачем и что я написал - сам не знаю" [3, с. 211]. В свою очередь, Курбатов не спешит развеять сомнения писателя и, вспоминая о своем впечатлении от "Печального детектива", отмечает в нем "неправедную тяжесть", нарушающую "Господню правду жизни" [3, с. 211].

В романе Астафьева переосмысливаются некоторые свойства национального характера, признанные судьбоносными для русского человека еще классикой. Даже жалость к осужденным насильникам как будто компрометируется и госпаривается в "Печальном детективе": "Убыло меня? Ну, поревела бы... Обидно конечно... Да разве мне привыкать? Чича, бывало, свалит в кочегарке..." [2, т. 9, с. 28]. Постоянный диалог с классикой не мог пройти бесследно для В. Астафьева. Писатель вслед за Достоевским готов услышать и чужую правду: " - Неладно мы с тобой, Леонид, сделали (...) - Чего не ладно? - Четыре молодые жизни погубили" [2, т. 9, с. 28]. Эта правда непонятна герою, но приводит его в замешательство: "Отчего русские люди извечно жалостливы к арестантам, и зачастую равнодушны к себе?" [2, т. 9, с. 29]. Однако итоговое заключение героя содержит в себе утверждение, ставящее под сомнение такого рода жалость и доброту: "Вольно, куражливо, удобно живется преступнику среди такого добросердечного народа, и давно ему так в России живется" [2, т. 9, с. 30]. Астафьевский герой способен услышать "чужую" правду, способен этой правдой смутиться, просить прощения за весь неустроенный мир ("Тетья Граня! Прости меня! Прости всех нас" - [2, т. 9, с. 29]), но принять эту правду оказывается выше его сил.

Черты комического проявляются в отношении автора к деревенской красавице Паше Силаковой. Простодушная героиня с трудом воспроизводит заученные филологические "истины" 1930 - 1950-х годов: "Мистические настроения Гоголя, навеянные ему отцами церкви с их мрачной и отсталой философией, привели и не могли не привести к духовному краху великого русского писателя" [2, т. 9, с. 52]. Неудавшаяся студентка филфака не способна постигать "выпрямленные" литературоведением сложные вопросы истории литературы. Лишь деревенская жизнь, не декларированная программами, идеями, с ее домашней работой, семьей, материнством, представляется автору органичной для Паши Силаковой. Создавая образ Паши Силаковой, Астафьев оказывается в русле традиционных идей русской литературы. Для астафьевской Паши Силаковой городская одиссея, "эмансипация" - лишь досадный эпизод, автор спешит вернуть ее в природный и привычный мир. Но и в деревенском облики Паши Силаковой содержится пародийный мотив, связанный с восходящим к Н. Некрасову образу красивой и сильной "славянки". В ней, в этом на вырчку Сошнина "примчавшемся на мотоцикле всаднике в очках и горбатым комбинезоне" [2, т. 9, с. 80], трудно обнаружить женское начало. В астафьевском романе "эмансипация" как составная социального прогресса дошла до самых глубин народной жизни, произведя в ней те же результаты, что и в "образованных классах" позапрошлого века.

В рассуждениях Сошнина о несостоявшейся студентке филфака Паше Силаковой находим: "(...) этак дело пойдет - деревня лишится еще одного хорошего работника, город приобретет зазвонистую хамку" [2, т. 9, с. 54]. Этот эпизод вполне может быть соотнесен с художественной прозой и публицистикой В. Шукшина. Так, в его статье "Вопросы к самому себе" (1966) находим аналогичное: "Не горят за рекой костры рыбаков, не бухают на заре торопливые выстрелы в островах и на озерах. Разъехались стрелки и певуны. Тревожно. Уехали... А куда? Если в городе появится еще одна хамоватая продавщица (научиться этому - раз плюнуть), то кто же тут приобрел? Город? - нет. Деревня

потеряла. Потеряла работницу, невесту, мать. Хранительницу национальных обрядов, вышивальщицу, хлопотунью на свадьбах" [10, с. 579]. Неслучайность этого совпадения подтверждает астафьевские комментарии к роману "Печальный детектив": "Я не скажу, что роман давался мне легко. Я пополнял рукопись, бывая в вытрезвителях, милициях, лагерях, побывал и в том, где Василий Макарович Шукшин вскорости начнет снимать свою "Калину красную". (...) Какое отчаяние порой овладевало мной!" [2, т. 9, с. 440]. Комментарий этот интересен тем, что он указывает не только на "шукшинский" "хронотоп" - время и место собирания материалов к роману, но и на близкую тенденциозность, озабоченность одними проблемами.

В основе обоих произведений, и "Калины красной", и "Печального детектива", обнаруживается общая основа - озабоченность судьбой русского человека, оставившего деревню, но не нашедшего устойчивости в городе. В "Печальном детективе" наблюдается трансформация сюжетной схемы и образов "Калины красной" В. Шукшина: место раскаявшегося преступника, вернувшегося к крестьянскому труду, Прокудина Егора, у Астафьева занимает вернувшийся после заключения в деревню опустившийся Венька Фомин. Место Байкаловой Любы занимает изработавшаяся пятидесятилетняя доярка Арина Тырыничева. Местом действия оказывается не деревня Ясное, как у Шукшина, а обезлюдившее Тугожилино, районный центр Хайловск. Эти названия создают комический фон для отражения событий и характеров в романе.

Если у Астафьева 60-70-х годов, как и у Шукшина, сострадание и жалость составляют один из путей к спасению человека и мира, то в "Печальном детективе" сострадание, жалость к преступнику (сцена суда над Венькой Фоминым, терроризировавшим всю округу) связываются в сознании писателя с мыслью о бессилии народа и власти перед напором преступности. Из всей вейской милиции лишь Сошнин открыто и бескомпромиссно стоит на пути преступников. И хотя он и одолевает и Демона, и Фомина, в романе не рождается впечатления счастливого финала. Зло скрывается за равнодушием людей; зло оберегают от гибели, в том числе и сострадание, жалость, добросердечие, присущие русскому человеку.

Эволюция В. Астафьева от явного умиления "сельским жителем" к жесткому анализу национального бытия идет в это время не без влияния некоторых, ставших в то время актуальными, идей Ф. Достоевского: "Во всяком человеке, конечно, таится зверь, зверь гневливости, зверь сладострастной распальемости от криков истязуемой жертвы, зверь без удержу" [8, т. 9, с. 96]. Развивая мысль Достоевского, В. Соловьев утверждал: "Исторический процесс есть долгий и трудный переход от зверочеловечества к богочеловечеству, и кто же станет серьезно утверждать, что последний шаг уже сделан, что образ и подобие зверя внутренне упразднены в человечестве и заменены образом и подобием Божиим?" [11, т. 1, с. 257]. Во многом это уподобление ("человек-зверь") оказывается основой и для размышлений В. Астафьева.

"Зверь" на глазах превращается в "зверину" в "Печальном детективе", а образ "зверя" - один из значимых в структуре романа "Прокляты и убиты". В рассуждениях Леонида Сошнина находим: "Ницше и Достоевский почти достали до гнилой утробы человечешки, до того места, где преет, зреет, набирается вони и отращивает клыки спрятавшийся под покровом тонкой

человеческой кожи и модных одежд самый жуткий, сам себя пожирающий зверь. А на Руси великой зверь в человеческом облике бывает не просто зверем, но звериной, и рождается он чаще всего покорностью нашей, безответственностью, безалаберностью, желанием (...) жить, будто вниз по речке плыть" [2, т. 9, с. 41].

Интересными представляются замечания В.А. Сурганова по поводу некоторых, с точки зрения литературоведа, промахов романа "Прокляты и убиты". По его мнению, Астафьев "испытывает большие трудности, когда сталкивается с задачей изобразить человека иного общественного слоя и положения" [12, с. 96]. Следует заметить, что это же свойство В. Астафьева и помогает ему в случаях обращения к образу воина, детдомовца, крестьянского мальчика-сироты, знатока природы, писателя.

Главный герой "Печального детектива" - писатель Леонид Сошнин. В выборе такой фигуры в качестве организующей повествование проявился скорее не произвол автора, а попытка понять и сформулировать задачи литературы иначе, чем они представлялись раньше. Сошнин - фигура объективированная, но не настолько, чтобы не увидеть в ней сходство с автобиографическими персонажами писателя и в ощущениях ("спина чуткая, что у детдомовца"), и в судьбе (сиротство), и в языке (слитность литературного слова с жаргоном). Несмотря на то, что в нем автор с иронией воспроизводит черты сыщика и начинающего писателя, Сошнин оказался фигурой предельно необходимой для Астафьева, уходящего все далее от образности, стилистики, поэтики и многих идей своей прозы 60-70-х годов.

Пародийное, сатирическое в "Печальном детективе", являясь способом обличения и отрицания зла, приобретает жанрообразующую функцию, выделяющую роман Астафьева среди других произведений 80-х годов. Но зло часто оказывается сильнее и активнее робкого добра, и противостояние злу приобретает трагедийное звучание. Комическое в романе органически переплетается с трагическим, пародийность не противостоит оригинальности. Обретенная Астафьевым виртуозность в использовании пародийно-сатирических и иных средств и приемов отрицания зла, достигнутая с их помощью острота постановки общественно-значимых проблем будут им использованы и в прозе 90-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кучерский А. Печальный негатив // Вопросы литературы. - 1986. - № 11; Старикова Е. Колокол тревоги // Вопросы литературы. - 1986. - № 11; Соколов В. Мой друг Сошнин // Вопросы литературы. - 1986. - № 11.
2. Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. - Красноярск, 1997.
3. Астафьев В.П., Курбатов В.Я. Крест бесконечный...
4. Астафьев В. Не лишний багаж - благородное сердце // Литературная газета, 1986.
5. Голубков М.М. Русский национальный характер в эпосе Александра Солженицына // Отечественная история. - 2002.
6. Гончаров П.А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы 1950-1990-х годов. - М., Высшая школа, 2003.
7. Шаламов В.Т. Левый берег: Рассказы. - М., 1989.

8. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. - Л., 1991.
9. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. - СПб., 2002.
10. Шукшин В.М. Собр. соч.: В 3 т. - М., 1985.
11. Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. - М., 1988.
14. Сурганов В. Побег на плацдарм // Литературное обозрение. - 1995. - № 3.

M.V. SIDOROVA

Department of World Literature
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, 117198 Moscow, Russia

The article studies genre variety of the novel, describes it's specificity which in some extent connect tragic features with comic ones.